

АЛЕКСЕЙ НАСТ

Белым по белому

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст
Белым по белому

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Наст А. Н.

Белым по белому / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06618-2

Как поступить, когда очень хочется любить? Очень хочется, а колется! Юморная, азартная повесть о попытках любви, об ошибках, забавных, смешных и обидных. Но всегда есть надежда, что получится!... Замечательная история, в стиле аниме Хаяо Миядзаке "Шепот сердца". Читайте эту книгу, и в конце узнаете, что есть продолжение, и оно тоже на ЛитРес! Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06618-2

© Наст А. Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Август выдался жарким и солнечным. Город утопал в знойных лучах, в полуденные часы, превращаясь в раскаленную, источающую асфальтовую вонь, печь. Стены зданий так накалялись, что если ненароком кто-то хватался за кажущийся прохладным цоколь, то мгновенно отдёргивал руку – горячо! Автобусы в эти часы были полупустыми, и лишь нескончаемый поток автомобилей показывал, что повседневная суeta бьёт через край, с улиц переместившись в прохладу помещений и салонов комфортных авто. Город жил напряжённой жизнью, остановить которую было не под силу потугам природы. Жара, так жара. Двигаться всё равно надо – деньги зарабатывать, остановишься, и всё рухнет. Движение – жизнь... Но всё-таки было очень жарко – это признавали все... Очень для этих мест. Россия ведь, не Африка!

Колька Алексеев, невысокий подросток, только окончивший девятилетку, и абсолютно не знавший, как жить дальше, в этот «роковой» для себя август, поддавшись влиянию духоты, подал документы в ПУ (Профессиональное Училище). Если бы мать была сейчас рядом, она бы не позволила сыну сделать столь безрассудный шаг, ведь Колька восемь лет отучился на отлично, и только девятый класс запустил, благодаря пропускам. Она бы рыкнула, и Колька, как миленький, продолжил бы обучение в школе, и нагнал бы к концу одиннадцатого класса, и, наверное, смог бы подать документы с ЕГЭ в какой-нибудь институт. Он, вообще, с первого класса был примерным мальчиком, много читал, особо не шалил, и им все были довольны. Но мать, как на зло, работала в другом городе, и приехать не могла, а Колька, живший у бабушки, почувствовав волю, существовал по собственному усмотрению.

Зачем ему продолжать обучение в средней школе, когда и так еле вытащил девятый класс?! А колледж – это другой уровень, куда более сложный. Колька же по натуре – свободный художник! Дальнейшее долгое нудное обучение – это петля на шею его вольной натуре! А ПУ он, шалтай-балтай, но закончит, и со спокойным сердцем пойдёт в армию на годик, а после – воля! Вечная воля и беспечность свободного художника!... Вопрос только художнику от Остапа Бендера: «Хочу спросить вас, как художник художника: вы рисовать умеете?!». Колька усмеялся этому вопросу – рисование здесь не причем! Свободный художник – это состояние души. Остап Бендер тоже был свободный художником. Он был аферистом-авантюристом, любовался своими подвигами, как произведениями искусства, совершал их изящно: «Замрите, ангелы! Смотрите – я играю!». И Колька таким был. Не аферистом, конечно – просто свободным художником. Он верил в эту идею. Подцепил её, уже не помнил, откуда, и уверенно продвигал. Быстренько рассчитаться с государственными повинностями, в виде получения минимума обязательного образования и срочной службы в армии, и адью! Может, он чуть-чуть подработает копеек на загранпаспорт, и мотанет в Испанию или Португалию, будет минимально трудиться на фруктовых плантациях, собирая апельсины и лимоны, чтобы иметь миску паэльи и бутылку дешевого сухого вина. Море, пляжи, приключения – всё его! И никто ему не будет указ! Даже владелец плантации. Начнёт вякать, Колька ему по-русски: «Фок ю, начальник! Фок ю!». Пару тёплых апельсинов в карман, и пошёл, куда глаза глядят. Плантаций хватает на юге, пристроиться всегда можно, тем более теперь, после этой страшной пандемии с коронавирусом, который прошёл беспощадной косой по странам Южной Европы. А что там много мигрантов из Северной Африки, так и они порядочно вымерли в своих антисанитарных лагерях. Да и пусть, что их много осталось и ещё больше новых приехало и пробралось сквозь дырявую границу, это ничего – будет драться с ними, с неграми и арабами, чтобы сильно не наседали! Славяне издревле защищали Европу от орд завоевателей с востока. Ну, а он теперь будет биться за свободу Европы с завоевателями с юга! Какая разница? Как завещали Ломоносов и Пушкин в своих одах. Хотя, он больше верил Блоку, с его знаменитыми словами о русских: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами!». Точно сказано. И он типичный скиф. А скифу много ли надо? Свобода. Личная свобода и свобода передвижения!... Так ему виделось в мечтах! Он, буквально, грезил этими видениями, и верил, что всё

будет так, как он придумал. Хотя (говорил он себе), если к тому времени, как он отслужит и оформит загранпаспорт, африканцы совсем уж захватят и поработят Пиренейский полуостров и прекрасную Италию, он поедет куда-нибудь в другое место – мир большой! Что, на Европе свет клином сошёлся? Много о себе воображают, а элементарно защитить свой сытый и дорогой им образ жизни уже не могут – выродились, погрязнув в пороках, как древние римляне. Поедет в Таиланд или Индию – там русских много живет, тусуются постоянно. Миллионеров много всяких беглых, что денег наворовали и проживали их нервно в безумных оргиях. К ним в друзья вотрётся, и будет тусить, не думая о завтрашнем дне...

Когда Кольке выдали справку о приёме документов, он радостно подшил её к своему школьному архиву – в толстую папку со всеми табелями успеваемости и, засунув ту подальше, стал лениво ожидать конца каникул и начала новой жизни.

Остатки августа прошли в бесчисленных рыбалках, пикниках, отдыхах на даче и в деревне у тётушки. Он приехал из деревни загоревшим, и совсем разленившимся. Дома было уютно. И здесь вдруг сжалось сердце – а ведь завтра снова идти учиться!

Кольке страшно хотелось сразу же произвести неизгладимое впечатление на девчонок в училище. Может, там будут красотки! И с какой-нибудь из них он замутит дружбу. У него просто обязана быть классная девчонка! Такая стройная, с титёчками. И с тугой попкой, как орех! Это как в молодёжном сериале сделали проплаченный конкурс красоты, и вручили первый приз, кому было указано, но справедливо – у неё попа была тугая, как орех!

Полночи он провёл в мечтах, так и заснув, рассуждая о составе завтрашнего наряда...

Утро внесло свои резкие коррективы. Колька открыл глаза и понял, ещё находясь в кровати – на улице бушевал ливень.

В окне жил сырой пейзаж размытого грязью переулка. Тучи клубились и неслись под давлением воздушных потоков, иногда сливаясь в сплошное серое марево, низвергающее водные потоки на умывающиеся, после невыносимого жаркого августа, дома. Прохладный ветер, покачивающий верхушки деревьев, сдувал остатки лета.

Первое сентября – начало нового учебного года, начало новой осени, прелестной поры постепенного затухания природы, сопровождающейся всплесками ярчайших красок и оттенков... Всё это было впереди. А пока дождь воспринимался, как обычный летний, принёсший долгожданную прохладу.

Колька бежал по мокрой, суетной улице, заполненной зонтами и торопящимися прохожими, и, пробегая под карнизами, сливающимися с себя грязную воду, боялся измараться и опоздать на автобус.

Он прибежал удачно – сразу подкатил автобус. Подмокший Колька ворвался в тесное от пассажиров пространство салона, протиснулся и приткнулся сзади, у стекла. За окном мелькали, смазанные стекающими струями, кварталы, с потолка, сквозь отверстия от ржавчины в крыше совсем уж старого автобуса, капали холодные капли на мокрую голову, а Колька ощущал себя в этот момент просто счастливым человеком. Ему казалось, что окружающий мир полностью раскрылся перед ним, призывая окунуться в него с головой...

В училище народу было предостаточно. Все столпились в вестибюле, и ждали, когда начнётся построение на первую линейку. Колька примостился у толстой колонны и, зыря по сторонам, стал ожидать того же.

Но сегодня его постигло первое разочарование. Как и всех остальных первокурсников. После скучнейшей линейки, всех заставили учиться. Это совсем не походило на школу, когда, после первого «урока мира», все шагали по домам.

Колька выдержал только три пары – дождь просто манил его на волю! Он сбежал с первого же собрания в училище – классная дама знакомялась со своей группой. Ну, будут ругать потом, выговаривать... Что ж теперь... такова жизнь. Пусть сразу принимают его таким вольным, словно ветер в степи! Времени впереди много, успеет дама и познакомиться и устать от его

характера. Все впереди! Зачем же форсировать события?! С другими своими подопечными зато лучше познакомиться – кто остался на её мероприятие, а таких было меньшее число – Колька видел, как парни торопливо расходились группками, опасливо оглядываясь и вжимая головы в плечи – конспираторы-прогульщики! Как любил говорить Никита Михалков на своём интернет-канале «Бесогон»: «Расходимся по одному, если что – мы геологи!». Ха-ха! Геологи! В принципе, не плохая профессия – ходишь себе по лесу, по горам и тундре, тоже, как бы, воля. Но только как бы. Всё время недовольный начальник нервничает, рвёт душу по радиции: «Приём! Сидоров, приём! Где золото, сука?! Где медь?! Зарубежные инвесторы нервничают уже пятый год! Я больше не могу им в пустую лапшу вешать! Найди, хоть что-нибудь, тварь такая! Самое лучшее – залежи урана, чтобы от радиации сразу издох!». Да, хорошая профессия, но нервная. Колька и книгу читал роскошную, романтическую «Территория», и фильм смотрел, и новый, и старый. Новый красивый – пейзажи, дух захватывает. А старый фильм – неудачный, там Донатас Банионис играет начальника геологической экспедиции – не убедительно. Он прибалт, а тут – север! Он шпионов хорошо играл, или в «Солярисе» нудного учёного, а геолога – нет. Не его типаж!

Вновь оказавшись в окружении мокрых деревьев, озябших воробьёв и парящего асфальта, Колька вдохнул в свои молодые лёгкие прохладный, пахнущий травой, воздух – свобода! Вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут! Меч Джедаев. Такой лазерный, гудящий. Бжык-бжык, и ты больше не мужик!

Начало «новой жизни» Кольки ознаменовалось сырой погодой – это вдохновляло его, ведь, по поверью, которое он выработал на личном опыте, дождь или сырость приносили ему удачу!

Что принесёт ему в этот день родной город? Колька старался угадать, но не мог и, удивляя прохожих чересчур весёлым настроением (Обкурился? Наркоманы вообще прохода не дают!), просто отдался городу, переносясь течением бурлящей жизни по всем перекатам общественных мест.

Он так промок за несколько часов скитаний, что устало сел передохнуть на влажную лавочку в уютном переулке, нисколько не заботясь о чистоте своих брюк – снизу и так чёрная нечистая кайма – нахватался грязи, пока бродил. Вся одежда его промокла насквозь, и теперь обжигала тело влажным холодом. Из рта красивыми струйками выплывал белый парок, быстро растворяясь в дожде.

Мимо грустившего Кольки прошла высокая черноволосая девчонка, обсасывающая белый прямоугольник пломбира. Капли настырно стукались в мороженое, оплавляя его.

Колька глупо улыбнулся ей, предложил сесть.

Она усмехнулась, но покорно села. Её пепельный матерчатый плащ стал всасывать влагу, а она, отвернувшись, смотрела на кланяющиеся под ударами капель зеленые листья окружающих деревьев.

— Тебя мне послал город, – произнёс Колька, любуясь девчонкой. Красивая, жаль, таких не оказалась в его группе.

Девчонка снова усмехнулась и протянула ему мороженое.

— Пойдём в кино? – спросила она.

— Пошли, – согласился Колька, доедая пломбир (восемьсот рубликов карманных денег были при нём, и он готов был к любому развитию событий: кино, кафе, аттракционы). Тут же усмехнулся, вспомнив фильм Меньшова «Любовь и голуби». Старперский фильм, конечно, но Колька его смотрел несколько раз из-за бабки – она любила такие опусы, умилялась им, ну, и Колька смотрел от безделья за компанию – чё, всё время в интернете зависать, что ли? Там по фильму мужик на голубей потратил двадцать пять рублей из общей кассы, и жена давай причитать: «Нет теперь тебе сын радиоприёмника, а тебе, Людка, новых сапог!». А муж: «Что-то ты размахнулась на двадцать пять рублей!». Ха-ха. И тут, то же самое: кино, кафе, аттрак-

ционы! Если на кино хватит – уже круто! Сейчас пойдут в какой-нибудь торгово-развлекательный центр, а там билеты на дневной сеанс рублей по четыреста!... Ну, что же, будут смотреть без попкорна и колы!

Он выбросил в мокрую, вянушую траву, молочную бумагу (Свинья!) и, вытерев руку о лавку (сядет кто-то, будет липкий попа... а нет, дождь всё смоеет... все преступления века... а было бы здорово...), Колька заспешил за той, которую ему послал дождливый город в первый день сентября!

Он семенил сзади, улыбаясь своим мыслям. Преступление века не состоялось из-за дождя! Смотрел он старый французский фильм, там ещё Луи де Фюнес играл, маленький такой старикашка, которые рожи корчит уморительные. Так вот, там тоже были преступления века. Даже не преступления – подвиги! Фашисты захватили Париж и Францию, но не все согласились с оккупацией. Театр. На сцене стоит стол, укрытый тяжёлой парчовой скатертью до самого пола. За столом пируют фашисты – пьют французское вино из кувшина. Под столом открылся люк, вылез борец с оккупантами, и коловоротом просверлил дырку в столе и в кувшине, и обратно скрылся в люке. Фашисты взяли за кувшин, а вина нет – вытекло! И дыра в днище просверленная! Они в ужасе и панике: «Суперпартизан! Суперпартизан!». Вот такие у французов фильмы о войне. Такие суперпартизаны у них, которые дырки сверлят в кувшинах да лавки мороженым мажут! Колька где-то читал, что в Париже даже на дверях гестапо висело объявление: «Доносы больше не принимаются!»... Как пел Высоцкий: «Плевал я с Эйфелевой башни на головы беспечных парижан!»... Таким им и надо, суперпартизанам!... В общественном парижском туалете есть надписи на русском языке!...

Девчонка оглянулась:

— Иди сюда! Рядом пойдём.

Колька, смеясь, подбежал. Они взяли за руки.

Сердце Кольки замерло от восторга – об этом он мечтал всё лето!

Спасибо тебе, город!

На уроке литературы Колька занял стол у стены. Сейчас он тупо смотрел в сливающиеся строчки книги (В сон тянуло капитально! Студенты поймут!) и, пропуская мимо ушей мерный муторный говор педагога (Пушкин сказал... в гостях у своего друга Кюхельбекера спал на полу... Пушкин на полу спал, с ума сойти!), старался уловить разговор сидящих по правую руку девчонок.

За первые три дня он ещё не успел познакомиться со всеми основательно. Вел себя Колька тихо, со стороны наблюдая за формированием нового коллектива. Это очень важно – заранее распознать характер каждого, определить недостатки и достоинства, и избрать свою линию поведения, дабы оказаться, впоследствии, в числе уважаемых людей группы.

Колька не ставил себе цель учиться хорошо – это же не институт, да и цели у него были другие, не связанные с учёбой. Правда, в первый день он пытался сделать уроки, но, после безуспешной попытки, оставил это занятие. Он в школе этой хреню года два не занимался – выполнением домашних заданий, а тут зачем начинать? Импровизация – вот его конёк! Будет решать проблемы по мере их возникновения! Главное, что требовалось в процессе обучения – это держаться в числе успевающих, не важно как – чтобы платили стипендию! Копейки лишними не бывают! Увы.

Колька часто переезжал из города в город, и везде в классах оказывался новеньким. Это очень неприятно быть новеньким – ощущаешь себя человеком из другого мира, все глаза направлены на тебя, все придирки местных хулиганов – к тебе (прогнёшься или нет?). Постоянно сдавать тест на «правильного парня» – это очень утомительно, и это всегда стресс... Слава

богу, школа для него кончилась, будь она не ладная! Теперь другая ситуация, теперь он оказался среди ранее незнакомых друг с другом подростков, он был таким же, как все – все первокурсники новенькие, и с наслаждением занимался своими наблюдениями.

На уроках царила непривычная после школы тишина – группы, пока, как таковой, ещё не существовало – нечего ещё было обсуждать с соседом-приятелем, или шалить, на радость окружающим, или сплетничать – всё это будет потом.

Колька закрыл глаза, вздохнул, открыл глаза, направив своё внимание на преподавателя. Оказывается, как интересно она говорит о произведении мирового масштаба. О каком? Колька прослушал. Промечтал. Прокопался в себе, в своих мыслях. Рылся в глубинах сознания, и всё прослушал. А автор старался, писал... Это, как в мультфильме про театр. Там репетируют пьесу «Вышел зайчик погулять», и мужик, изображающий кукушку в дупле, подвёл: «Ку-ку, ку... Забыл». Режиссёр взвился с листами пьесы: «Ку-ку-ку-ку-ку! Вы почему текст не учите?! Автор старался, писал!»...

Колька усмехнулся. Интересно, автор текст для кукушки сколько времени придумывал? Мучил мозг. Ку-ку и всё? Или: Ку-ку-ку-ку, да ещё раз Ку! О, Ку – это из старинного фильма «Кин-дза-дза». Скрипач, тут инопланетяне жёлтыми штанами фарцуют! Тебе не надо?!... Ку... Опять прослушал. А преподаватель старается, губами шевелит, выговаривает слова, красиво округляя рот. Так в порнофильмах округляют губы девушки с низкой социальной ответственностью! Ага, да там эти актрисы все богачки, суперзвёзды, автографы раздают на фестивалях – Колька фильм видел, «Соседка», как такой же молодой пацанчик, как он, влюбился в порнозвезду... Да, американцы всякой дряни наснимают, а мы смотрим, впитываем. Раньше к таким особам как относились? А теперь, следуя логике такого фильма, родители парня должны просто возликовать: «Сынок, тебе повезло! Твоя девушка – порнозвезда! Её имели двести мускулистых мужиков-актёров, а ролики – пять миллионов просмотров по всему миру! Тебе повезло, парень!»... Это их мораль. Хотя, всё это не так. Американское общество очень пуританское, а других стараются растлить. А подумаешь, может, и сами они такие и есть. Вот взять Шварценеггера. Он во всяких фильмах снимался, и голым бегал, и два срока был губернатором Калифорнии, и за это время спутался с горничной и прижил от неё ребёнка, и жена из клана Кеннеди его отшила с позором, и дети плюнули (Эх, папа! Опозорил!)... Да, они такие и есть. На них не стоит равняться.

Колька стал внимательно следить за ртом преподавателя. Она точно занимается самолюбованием. Говорит, вслушивается в произнесённые слова, и любитесь! Округляй рот, округляй! Видел бы её в своё время Харви Ванштейн, этот киношный маньяк Голливуда, который домогался почти до всех звёзд: «округли рот, детка, в моём кабинете, и я дам тебе главную роль!». Она делала, тут же главная роль и Оскар. Ой, спасибо всем, и Харви Ванштейну! Прошло двадцать пять лет: «Я вспомнила! Он меня домогался! Я была юная, никому не нужная девушка с улицы, а он домогался, заставлял округлять рот, и я стала суперзвездой! Негодяй! Ты должен был просто так дать мне эту мерзкую главную роль в блокбастере! Эй, ты, девочка, да, да, у мусорного бака, ты будешь мегазвездой и получишь миллионы долларов США гонорара за просто так!... Какая хрень, эти голливудские страсти... Вот засек бы Харви эту преподавательницу: «Милашка, пройдем в мой гостиничный номер-люкс в «Хилтоне», округлишь рот – ты умеешь, и ты – кинозвезда с миллионными гонорарами в долларах США!». А препод строго: «Товарищ голливудский кинопродюсер Харви Ванштейн, я округляю рот только в своём učилище, в классе перед учениками. Только перед ними!»... И Харви в пролёте... И преподша тоже. Хоть заокругляйся перед учениками, и тысячи долларов не заработаешь! Дурра!...

Колька решил, что слушать то, о чём уже прослушал глупо, потому переключил внимание на пёстрый народец, заполнивший пространство аудитории. И здесь стало понятно – оказывается, абсолютно никто не слушает урок, все занимаются своими никчёмными делами и делишками! Вон сзади двое парней дремлют, бродяги. Наверное, куролесили полночи за компьюте-

рами – игрались, или ещё какой хренью изводили себя. Порно смотрели! Рукоблудники! А родители Интернет им оплачивают, юным развратникам!... Далее. Две девчонки за следующим столом, закрывшись огромными сумками, наводили лоск, орудя губной помадой и массажной расческой-щеткой. Далее, компания из четырёх человек нагло и в открытую болтала на свои темы, куда интересные, чем какое-то там литературное произведение мирового масштаба. А правда, чё о нём слушать? Мужик ещё в позапрошлом веке написал, баблосы получил, пропилил, проел их, и помер в нужде и бедности. Всё! Чё ещё рыться в этих массах текста?! Мазохизм какой-то! Самоистязание!... Да, никому она не нужна, эта литература! Двадцать первый век на дворе давно, нана-технологии в действии! Пошёл, убил бабу тяжёлым ржавым топором за горсть мелочи, а потом обкакался от переживаний! Сейчас уже из бластеров пора пухать по жадным процентщикам! Бжик-Бжик! И всё, никаких следов! Колька слышал, что большинство этих контор, что деньги дают под миллионные проценты принадлежат уголовным преступникам, которые зоны топчут или за границей скрываются. Мы тебе, дед, пять тысяч рублей, чтобы до пенсии дожил, а потом квартиру заберём и дачу, и дочь растлим! «Да ей уже пятьдесят лет!». Ну и что! Берёшь деньги? «Беру!». А когда дед в соплях и слезах бежит в полицию: «Спасите! Помогите! Квартиру отобрали, дочь растлили!», ему: ты же сам взял под такие проценты!... Хотя, это раньше было. Сейчас пресекли. Сейчас рубль берёшь, не нужно отдавать сто миллионов, только миллион. Ой, законы, те ещё! Колька вздохнул, снова посмотрел на преподавательницу. Правда, что она с Харви не связалась?! Не вышло. Не жила она в Голливуде. Да и что сдался ему этот Харви, его уже давно отымели, пережевали, выплюнули и забыли. Такова жестокая Америка. А эта вот на месте. Ходит между столов, говорит, говорит. А уже сутулая, тетя. Сутуленькая. И до пенсии ей очень далеко. Отшень...

Колька громко зевнул и, проморгавшись, чтобы согнать с оболочки глаз выступившие слёзы, вдруг увидел ЕЁ... Странно, он уже третий день ходит с ней рядом, сидит рядом, ну вот же. А увидел её только сейчас!

Колька озадаченно почесал затылок, чем и привлёк внимание той, на которую только что смотрел.

Его новая симпатия, оглядев Колькино существо с явной предвзятостью, скривила губы и отвернулась недовольная. Не понравился?!

«Ах, ты, гадюка! Ты ещё губы кривить в мою сторону будешь! Тля!», – вознегодовал Колька.

Но юное создание так запало ему в душу, что ему стало физически плохо. Сидеть на других парах он не сможет – это и глупому коту понятно!

Колька ещё раз взглянул на обожаемое существо (Существо-о-о-о!!!) (а он её уже обожал!), но получил резкий негодующий ответный выстрел голубых глаз, и смущенно потупился.

На помощь ему подоспел звонок, и он, кидая книгу в чёрное пространство сумки, торопил себя: «Домой! Сейчас же домой! Иначе я сделаю какую-нибудь гадость!». Что он может натворить, Колька не представлял, но что натворит, если не смоеется с уроков – знал точно. В тихом омуте черти водятся. А его омут был глубок и тёмный. В его омуте чертей кишмя кишело, хоть отлавливай голыми руками этих товарищей, да отвози в соседние омуты для размножения!...

Чернота полупустого кинозала и столб света, несущий в себе содержание фильма, охладили Колькину ноющую душу. Он снова был спокоен и не спеша рассуждал о будущих планах своей великой жизни. Жизнь обязательно должна быть великой! Прожить просто так, где-нибудь скромно трудясь и принося радость лишь себе и своим близким, а затем спокойно умереть в положенный срок – это не для него!

Колька уткнулся носом в пахнущие осенней листвой волосы своей дождливой подруги и, покрепче обняв её плечи, вспомнил, как город послал её ему. Сейчас она покорно смотрит на экран и не обращает внимания на его вольности. Она ему доверяет.

Колька убрал руку с хрупких девичьих плеч, и отстранился. Когда тебе доверяют, ты не имеешь права терять этого доверия. А впрочем, к чему Кольке её доверие? Он взял её у города, даже не подумав, зачем она ему!

Колька закрыл глаза и вспомнил ту, которая, надменно фыркнув, обдала его леденящим взглядом голубых глаз северянки. Вот ту он не прочь был бы обнять...

Фильм кончился. Они покинули кинотеатр.

Вечерний город постепенно затихал.

Темнота окутала город плотной пеленой, но он не хотел спать, как капризный ребёнок, которого укладывают слишком рано заботливые родители, и отгородился рыжим огнём фонарей и голубоватым сиянием витрин. Колька сонно смотрел на тени кустов, лежащие на асфальте, и медленно шагал, в тоже время, стараясь не отстать от своей подруги.

Странно в жизни всё получается. Ведь было у этой черноволосой симпатичной девчонки столько знакомых парней, а она, по одному только его зову, осталась именно с ним. А если бы та, светленькая, позвала его, Кольку, он, несмотря на то, что рядом с ним есть вот эта девчонка, пошёл за той.

Колька усмехнулся. Как начнёшь думать, так до такого можно додуматься, что голова отключится, и все шарики с роликами перемешаются.

— Ну, пока! – девчонка хлопнула его по плечу, и пошла к автобусу.

Оказывается, они уже были на остановке, а он и не заметил, как дошли.

«Некрасиво получилось. Даже слова ей не сказал на прощание», – подумал Колька, провозжая взглядом уезжающий автобус. – «А впрочем, что тут некрасивого? Всё равно придётся её оставить. И как можно раньше. Чем позже, тем больнее. Хотя нет, сейчас не стоит этого делать. Ещё мотаюсь, словно маятник, из стороны в сторону – туда-сюда. Уж лучше потом, когда с другой налажу отношения. Как говорится: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Синице пока придётся посидеть в клетке».

Отливая светом пустого салона, подъехал спаренный троллейбус и, пыхнув, отворил складывающиеся двери. Колька приложил карточку с турникету на входе (очень неудобное это новшество – турникеты, особенно в час пик!), прошёл к одиночному сидению, поднял воротник своей курточки (становилось прохладно), плюхнулся устало на удобное сидение, словно не сидел перед этим два часа в кинотеатре, а проводил всё время на ногах и они гудели, ноющие и натруженные, вздохнул и, уткнувшись в стекло окна, уставился на блистающий рекламой вечерний город – поехали!

«Дома опять будет приставать бабуля, поучать, что задерживаясь, надо звонить. А как ей дозвонишься, если она глухая!», – Колька поворошил свою чёрную сумку, уложенную на колени. Учебники эти! Тяжёлая бумажно-картонная историческая нелепость! Уже нана-технологии на дворе, уже несколько уголовных дел завели на воров-резидентов Сколково, а воз и ныне там. Колька смотрел по телевизору в «Новостях», что во многих школах отказались уже от бумажных учебников – ноутбук или планшет заменяет все эти фолианты. А у них в училище эти новшества будут, наверное, лет через сто после двадцать второго века... С другой стороны книги не украдут – жуликам они не нужны, а планшет пригреть – милое дело. Стырил, сдал в ларёк, что торгует подержанными смартфонами, копеечку пустил в дело (пивко там или курительные смеси)... Колька читал в интернете, что в России ежегодно тырят больше двух с половиной миллионов мобильных устройств! Как говорил классик в 19 веке о нашей любимой Отчизне одним словом: «Воруют!». Кто так сказал? Гоголь? Колька не помнил. Просто, попросили охарактеризовать одним словом Русь, тот и сказал: «Воруют!»... Что поменялось с того девятнадцатого века? Многое, но не главное... Джонни, ты нисколько не изменился! Это

старинный анекдот. Его Колька вычитал из книги, взятой в библиотеке. Круговорот вещей в природе. Напьёшься ты, Джонни, в баре, и опять устроишь драку, и кому-нибудь проломишь голову. Тебя осудят, и повесят. Вынут из петли и захоронят. Тело разложится, станет перегноем. Вырастет трава. Её съест корова, потом навалит на дороге своих жидких лепёшек. Я случайно наступлю в одну из них, посмотрю на свой измаранный сапог и скажу: «Ах, Джонни, Джонни, ты нисколько не изменился!»...

Когда троллейбус выпустил Кольку на его остановке, Колька осмотрелся. Пустая тёмная площадь. Бандитское место. При СССР тут, скорее всего жиганы подлавливали одиноких прохожих, таких, как он, и, угрожая ножом, отнимали вещи. Вот, курточку бы забрали, обувь, сумку. Книги бы вытряхнули на траву: «Учебники тебе ещё пригодятся, студент!». Колька смотрел в сериалах про те жуткие времена. Потом, в конце лихих 90-х бандюганов повыбили, и стало мирно и спокойно. Вот стоит он, одинокий путник, и никому он не нужен – Неуловимый Джо. Почему неуловимый? Потому что его никто не ловит – он на хрен никому не интересен!... Колька вздохнул, и поплёлся домой.

Хотя хулиганов не всех ещё переловили. В основном грабежом грешили приезжие из районов, бездельная, опустившаяся, приклатнённая, жестокая молодежь. На подобие тех, что устраивают со школьников поборы в тюремный общак – зонавских паханов подогревать. Колька смотрел передачу об этом, но сам ни разу не сталкивался. И в училище тоже не слышно было о сборщиках дани. А последний репортаж о грабеже был буквально на днях – у моста группа молодых людей отняла у высокого качка модные кроссовки и кожаную сумочку. Их поймали через двадцать минут на другой стороне моста – они сошли, и их тёпленьких принял наряд полиции. Журналистка удивлялась: «Как вы поняли, что перед вами грабители?!». «Клоуна увидели, и поняли!». «Клоуна?». «Да. Идут парни, четверо, а один совсем щуплый и мелкий – метра полтора ростом, а кроссовки на нём одеты 45-го размера. Очень смешно. Мы этим клоуном и заинтересовались»...

Дома, выслушав лекцию о выполнении элементарных норм поведения, Колька помыл чистые руки, плотно поужинал и уселся за стол, за компьютер. Теперь будет болтаться по просторам Интернета, пока сон окончательно не сморит и не загонит в постель. Игры Колька не любил, но иногда стрелял, прыгал, добывал призы и тд, и тп. А ещё «ВКонтакте» 4850 друзей, на «Фейсбуке» 4220... И порноролики можно посмотреть – Интернет на бабушку оформлен, и когда возникал ограничительный вопрос на экране: «Вам уже есть 18 лет?», Колька жал «Да» – бабушке уже скоро 118 будет. Ха-ха! Если кто-то следит там, Большой брат, они охреневают: вот бабка извращенка, и темы какие её интересуют: «Молоденькие девушки». «Учительница и ученик»... Ха-ха! А, реально, бабульки продвинутые (есть же такие!), которые не сериалы слезливые по телеку смотрят, а порно по Интернету, какими темами интересуются? Крепкие деды? Внук подруги пришёл помочь бабушке? Тимуровцы и бабушка? Бабушка и Серый Волк? ...Ха-ха! Нет, отец бы это увидел, сказал бы: учиться тебе надо, Колька, а не этой хренью голову забивать! Серый Волк тебе и бабушка! А чё у тебя такие губы толстые, Бабушка?! Сейчас узнаешь, Волк! Спасите! Помогите!... А спасения нет! От бабушки ещё ни один дровосек и охотник не уходил, а тем более Волк! А тут Красная Шапочка в избушку: «О, Бабушка, а тебя что, Волк не уработал?!». «Замучается урабатывать!». А, вообще, Красная Шапочка – сказка французская, Шарль Перро... А была бы немецкая, там бы Волку не светило никак! Это Колька как-то раз смотрел «Камеди Клуб» по телевизору у приятеля-соседа, и подвыпивший отец приятеля смотрел. И там Гарик Харламов с Батрудиновым решили пойти в бордель в Германии (дело шло к Девятому мая): «Отомстим за дедов!». Отец приятеля прокомментировал с мрачной усмешкой: «Зае...сь мстить! Ха-ха! Немкам они мстить собрались!»...

День только разгорался. Солнце ещё не жарило, но было более чем тепло. Стаи голубей совершали разминочные полёты вокруг своих многоэтажек. Голуби были толстые и ленивые. Ходили слухи, что они просто планируют с крыш вниз, там обжираются (бабушки насыпали им на канализационные люки столько хлеба и крупы, что несколько свиней можно было откормить!), а обратно на крышу возвращались пешком, через подъезды – лишний раз крыльями помахать уже не могли. Но сегодня махали, и даже активно – не один круг наматывали... Улицы за домами ревели потоками автомобилей, но утренний час пик уже кончился – последние опаздывающие на работу уже находились на своих местах.

А вот и неухоженный стадион «Динамо», на котором проводились занятия физкультуры. Воробьи чирикали на семью трясогузок, но те, не обращая внимания, искали среди мелких травинок футбольного поля мелких жучков и других насекомых. Но вот они озабоченно подняли свои головки и, помахая в такт хвостами, тревожно забегали, потом резко вспорхнули и присели на крышу навеса, защищавшего трибуны от палящего солнца в зной, и от дождя в слякоть.

Колька шёл рядом с Витькой Левиным по податливой траве и смотрел на отличные футбольные ворота. Сейчас было бы неплохо схлестнуться в футбол! Но физкультурник не даст, заставит бегать стометровку и прыгать в длину. Хорошо, что в училище препод не жуткий физрук из сериала, сыгранный Нагиевым. Жопа была бы с таким упырём заниматься. А у них физкультурник (язык не поворачивался назвать его физруком после Нагиева!) – человек интеллигентный, высокий, худой, бывший спортсмен-легкоатлет Николай Павлович, погоняло Нипал (есть такая страна Непал, а он – Нипал).

— Так, всем построиться! Быстрее. Кто без формы, может уходить, – физкультурник вытащил из под мышки журнал и, открыв его, стал сверять по списку наличие присутствующих. Колька лениво шурился и переминался с ноги на ногу.

— Сделаем коротенькую разминочку, а потом стометровка, – физкультурник захлопнул журнал, и все, организованной толпой, побежали по кругу.

Сделав пару кругов вокруг поля, начали расплзаться по пустым трибунам – физкультурник увлечённо говорил по телефону, отвернувшись. Отговорив, он «грозным рыком» вернул людей на дорожку. Сформировали беговые тройки, и начали упражняться.

Колька пробежал в числе первых. Теперь, забравшись на трибуну повыше, надменно наблюдал за ходом остальных забегов.

Становилось жарко. Колька уныло провожал взглядом одну тройку за другой, но, как только на старт вышли девчонки, он оживился.

«Ну-с, дорогая, посмотрим, как ты бегаешь у меня», – подумал он.

Светлана прибежала последней, причём несерьёзно смеясь.

— Корова, – всерьёз обиделся Колька, и стал спускаться с трибуны.

У сектора прыжков в длину уже собралась толпа. Колька подошёл, стал упорно рассматривать Светлану. Спортсменка она никакая. Наверное, вес быстро наберёт. Но пока фигура у неё идеальная... Светлана несколько раз бросала на него вопросительные взгляды, пыталась улыбаться, но Колька не сводил с неё глаз, что стало очень смущать предмет его обожания. Предмет! Ну и слова он подбирает, когда думает о ней! То Существо! Теперь Предмет!... Наконец, Светлана не выдержала, и ускользнула от его настырных глаз, оказавшись за спинами парней.

«Что-то сдвинулось, раз она на меня начала реагировать положительно», – решил Колька. Настроение его улучшилось.

— Кто первый будет прыгать? – спросил физкультурник.

Колька вальяжно вышел вперёд:

— Ну, я...

В пять вечера Колька уже был дома. Вообще-то он окончил учиться ещё в два, остальное время провёл в парке, да в торгово-развлекательном центре. Причём бродил по залу с компьютерами, приценивался, при полном отсутствии денег. Мещанские развлечения.

«Да, я мещанин», – признавался он себе. А кто, князь что ли?! О, как Куравлёв, в комедии Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»: «Князь? Может, и князь! Милославский! Того как звали? А я Жорж!»...

Наверное, он так бы и провёл скучно остаток дня, если бы внезапно не зазвонил телефон. Чёрненькая подруга Кольки – Наташа Сотич звала его в гости.

— В гости – это хорошо! – рассудил Колька, и отправился на остановку...

Колька вошёл в сумрачную прихожую Наташкиной квартиры, ощутив чужой запах неизвестного мирка. Там, в гостиной, звучала тихая музыка – работал телевизор. Наташка влюблено пожирала глазами Кольку, поблёскивая отливающими перламутром покрашенными губами. Вообще, она красивая, эта девчонка, которую Кольке подарил город. Чёрные волосы, словно мерцающее синевой крыло грача, сзади перетянуты красной резинкой. Выразительные глаза подведены косметическим карандашом. Она похожа на прелестную куклу, от которой невозможно отвести глаз! Но Колька отвёл, и молча скинул кроссовки.

— Проходи, – освободила проход в комнату девчонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.